

Валентина Мусий,
доктор филологических наук, профессор
кафедры мировой литературы

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

КАТЕГОРИЯ «СЛАВЯНСТВО» В НАУЧНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ СЛАВЯН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Первая половина XIX века – особая эпоха в жизни славянских народов: национальное возрождение в Чехии и попытки чехов восстановить собственную государственность; активизация борьбы за национальную независимость народа Болгарии; направленное на возрождение независимости и целостности Польши как самостоятельного государства общенациональное освободительное движение в Польше, пробуждение национального самосознания и формирование такой категории, как «народность» в России... Это не могло не усилить интерес к славянству как среди самих славянских народов, так и в других, неславянских, странах. Одним из ярчайших событий в этом плане стал Конгресс славян в Праге в 1848 году, в программе которого был заявлен вопрос об отношении австрийских славян к другим славянским народам. Одним из путей лучше узнать друг друга было установление прямых контактов между восточными, западными и южными славянами. Так, к примеру, чешский поэт Карел Гавличек (1821-1856) летом 1842 года предпринял путешествие по Словакии и Галиции, а в 1843-1844 годах жил в России, выполняя, обязанности домашнего учителя в семье известного литератора-славянофила С.П. Шевырева. На основе впечатлений, полученных здесь, он в 1845-1850-е годы создает серию очерков «Картины из России». В единую

книгу они были собраны уже после смерти автора. От первых зарисовок этнографического характера, фиксации экзотического их автор шел к более углубленному социальному анализу и оценке государственного устройства в России. В описании своих впечатлений от поездки он называет имена многих славян, деятелей культуры, с которыми был дружен: Вука Караджича, Франтишека Челаковского, М.П. Погодина, О.М. Бодянского, К.В. Запа... В основном в письмах, превратившихся затем в очерки, он передавал впечатления частного характера. Как, к примеру, описывая семейную жизнь Вука Стефановича Караджича, «истинного серба», по словам Гавличека, женатого на немке, которой чешский патриот «чуть было не свернул ... шею» из-за того, что их «очень красивая дочь» «ни словечка не знает по-сербски; да и остальные его дети, заметил он, – «настоящие немцы» [1, с. 167-168]. Однако, как видно уже из приведенного фрагмента письма к Франтишеку Гирлу, другу Гавличека по школе в Праге, его частный характер не помешал автору выразить свои идейные позиции относительно необходимости сохранения славянами собственной национальной культуры. Кстати, сам он, пребывая в Вене, «довольно сносно научился говорить по-сербски» благодаря трехчасовым занятиям в день с сербом Корилацем и беседам с медиком, патриотом славянского движения Подлипским.

Поначалу все вызывает восторг К. Гавличека. Даже грязь, в которой утопает повозка, не представляется серьезным препятствием на пути в Москву. «Я невольно вспомнил о госпде бже, - сообщает он в одном из писем, - как (по картине Рафаэля) он носится в хаосе и из различных кусков творит землю». Гавличек подробно перечисляет детали снаряжения, необходимые для поездки по России: «подштанники и полотняную рубашку, поддевку из фланели; чулки шерстяные и простые, ботинки из двойной кожи и залитые каучуком, теплые брюки, теплый жилет, два

пиджака – один на вате, другой – прорезиненный; шлафрок, плащ, медвежью шубу, на ногах – ужасные, нестерпимые русские валенки, на голове – тяжелую кожаную шапку, закрывающую даже горло, а на руках – почти десятифунтовые рукавицы» [1, с. 169]. Большая часть слов в этом описании была выделена издателями письма курсивом, так как они были написаны не по-чешски, как все письмо, а по-русски. Даже переживая трудности передвижения по России зимой, Гавличек-Боровский оставался филологом, знакомящим своего читателя с особенностями русской лексики. Это проявляется и в других его письмах, в которых он перечисляет новые для его адресатов слова и выражения без перевода: перекладные, «Держись, барин», «Многая лета». Иногда он считает нужным пояснять значения новых слов. «Ямщик, - замечает он, к примеру, в письме к К.В. Запу, - простой мужик без формы, почтовый кучер, но несравненно более поворотливый, чем все управление австрийской почты» [1, с. 174]. Находясь во Львове, он подробно описывает характеры полячек (жена чешского патриота К.В. Запа, у которого он остановился, оказалась «чернобровой» «дочерью шляхтича с Буковины», говорившей по-украински и по-польски, а после замужества еще по-чешски). В одном из писем Карел Гавличек дает собирательный образ полячки: «Польки весьма легко знакомятся, так что через неделю я чувствовал себя у Запа как дома; <...> Польки – женщины в полном смысле этого слова – гордые, неприступные созданыя. <...>. Полька ничуть не боится, что о ней подумают мужчины, она не зарабатывает и не выпрашивает хорошего мнения о себе, серьезного отношения к ней мужчины, она вынуждает их к этому, она, я бы сказал, приказывает тебе или уважать ее, или любить». Сравнивая женщин в Польше и Чехии, К. Гавличек замечает: «Вполне доверяя своему чувству меры, они столько себе позволяют, что если бы наши чопорные девушки услышали, о чем полька целыми днями говорит и что делает, беспрестанно

краснели бы» [1, с.170-171]. Интересно, что подобным же образом представляет характер полячек и Надежда Дурова в своих «Записках». Сама женщина необыкновенной судьбы, она и в людях, с которыми встречалась, ценила в первую очередь самостоятельность и веру в право человека на суверенность собственного «я». «Я, - пишет она, вспоминая блуждания по многочисленным Гудишкам, - перехожу от очарования в очарование!.. Польша!.. одно это слово сводит меня с ума от радости!.. И так, вот этот край ... театр стольких происшествий!.. Но где все то высказать, чем полна душа моя!.. Это тот край, в котором любовь поставила престол свой!.. Это тот край, в котором женщина – владычица!.. Женщина – герой, полководец, министр!.. Это тот край, в котором женщина управляет всем, покоряет все единственную, неодолимую властью, властью ума, красоты и любезности!.. Сколько блеска, сколько жизни, сколько чарующей таинственности в прелестном краю этом, и как прекрасны места здесь!..» [2, с. 600]. Но вернемся к путешествию в Россию Гавличека-Боровского. Еще не добравшись до Москвы, но готовясь полностью погрузиться в новую для него жизнь, он пишет: «Русские кого хочешь в свою веру перекрестят» и сообщает, что переходит на православный календарь («я здесь так привык ко всему православному, что европейский календарь кажется мне варварским, несмотря на то, что он и лучше и правильнее русского» [1, с. 173]) и подписывается «Федор Матвеевич Боровский» (Гавел Боровский - его псевдоним) [1, с. 172]. Из православных праздников его больше всего поразила Пасха: «предание анафеме всех злодеев и благословение всех доброжелателей Руси», упоминание всех живущих – царя, семьи, епископов, духовенства, войска и всех православных, ритуал христосования: «Вы легко представите себе, с каким рвением я христосовался», - восклицает он, поясняя: «(так русские называют церемонию «Христос воскрес», когда все целуются)». А затем добавляет, что из-за того, что

«простой народ и студенты» ни в коем случае не отступают от христосования, «ни одна девушка в этот день не осмеливается появиться на улице» [1, с. 178]. И хотя восторг от увиденного ослабевал по мере того, как К. Гавличек-Боровский глубже проникал в суть жизни в России, он сохранял к ней интерес. Уже гораздо позже, в 1853 году он признается в письме А. Пинкасу: «...я занялся изучением богатейшей истории России, то есть пока что собираю материалы, но надеюсь когда-нибудь создать труд по нынешним временам глубоко научный» [1, с. 185].

Подобное формирование идеи **необходимости осмысления истории славянства** как равноправного другим народам, имеющего достойное внимания и не менее славное, чем у других народов, прошлое, становится в первой половине XIX одним из ведущих направлений в духовной жизни славянских стран, в познания славянами самих себя. И в этом плане из научных сочинений назовем «Славянские древности» (1836 – 1837) П. Шафарика, в которых обстоятельно излагается история происхождения славян, особенностей их жилища, дано географическое обозрение; есть отдельные разделы о славянах русских, болгарских, сербских, хорватских, хорутанских, польских, чешских, о мораванах и словаках, о славянах полабских. Во вступительной статье под названием «Начало и цель сочинения» ученый-славист так сформулировал свою задачу: «...избавить древности наши от забвения и неуважения». Другой ученый, основоположник российской славистики Александр Востоков, «по-профессорски скрупулезно», как писал Д. Чижевский, попытался воссоздать оригинал сербского героического эпоса; князь П.А. Вяземский сосредоточился на польских поэтах; А.А. Дельвиг, К.Ф. Рылеев, другие российские поэты охотно стали осваивать украинские песни, а Франтишек Челаковский и Карел Эрбен озвучили на чешском языке русские песни и сказки. Через художественные переводы осуществлялось взаимодействие

западных, южных и восточных славян. На песнях, балладах, преданиях славян основывали свои сочинения поэты и прозаики. Назовем в качестве примера союза научного и художественного познания славянами своего прошлого труд Юрия Венелина «Древние и нынешние болгаре...» (1829) и роман Александра Вельтмана «Райна, королева Болгарская», своего рода эпизод мифологизированной истории отношений Византии, Киевской Руси и Болгарии.

Но, пожалуй, главной задачей в первой половине XIX века стало **осмысление роли славянства в современности и перспектив его будущего.** Постепенно вызревает идея возможного объединения славян. По словам современного исследователя, Г.Ю. Карпенко, славянство в эти годы стало мыслиться «как целостное однородное этнокультурное явление, как новый нарождающийся тип цивилизации, приходящий на смену западноевропейскому миру, уже сказавшему свое историческое слово» [3, с. 163]. Вопрос о «славянской взаимности» звучал все чаще. Вклад в укрепление и развитие идеи объединения славянства внесли Я. Коллар, Л. Штур, Е. Копитар, А. Востоков и другие ученые и общественные деятели. Это нашло отражение и в литературе.

В 1841 году Ф.И. Тютчев пишет стихотворение «К Ганке» (с чешским патриотом, писателем, ученым Вацлавом Ганкой поэт познакомился во время своей поездки в начале 1840-х годов в Прагу). В стихотворении выражено переживание драматических последствий отсутствия единства славянских народов. Причем, и по вине других народов: «Иноверец, иноземец / Нас раздвинул, разломил: / Тех обезъязычил немец, / Этих – турок осрамил...». И по вине самих славян:

Веки мы слепцами были,

И, как жалкие слепцы,

Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.
А случилось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь, -
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь

Стихотворение заканчивается призывом ко всем славянским народам:

Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?

Вспоминая в 1867 году в связи со Славянским съездом, на котором собрались балканские славяне и славяне из Западной Европы, эти стихи, Ф.И.Тютчев записывает, вновь обращаясь к Ганке:

За твое же постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник Всеславянства
Приношеньем будь тебе!.. [7, с. 127-128].

Идея Всеславянства стала основной и в художественном наследии Яна Коллара, в, пожалуй, главном его сочинении - поэме «Дочь Славы», «Slávy Dcera. Sto znělek» (1824). Эта идея чуть позже будет развита в его труде «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими»

(1836-1837), где Коллар напишет: «...меньшее должно быть подчинено большему, любовь к родине – любви к нации. Потоки, реки великие и малые вливаются в море; так и отдельные страны, края, племена, наречия должны вливаться в нацию. Все славяне имеют только одно отечество...» [4, 236].

Во Вступлении к поэме передан трагизм мироощущения автора («слезы из глаз моих льются»), вызванный современным состоянием славянских народов. Возникает оппозиция: «настоящее – прошлое» страны, и ее состояний, связанных с этими временными показателями: «гроб – колыбель»: «Вижу родную страну – и слезы из глаз моих льются, / Гроб для народа она, гроб, а в былом колыбель!» [5, с.121].

В прошлом – деяния князей, своего рода культурных героев. Теперь же все изменилось. Героев не видно. Чернь из обломков колонн дворцов «громовержца Перуна» «скотские строит хлева». Главная же причина скорби поэта – нарушение единства славянских народов из-за того, что из их уст слышится чужая речь. Отсюда – вывод о необходимости появления героя, который сможет от сна наяву пробудить родные могилы. Основа же веры поэта-романтика в возможность возрождения славян – неистребимость национального духа в них. Поэт просит Славу-мать одарить его крыльями, чтобы он смог навестить всех братьев-славян и напомнить об общности их происхождения. Таким же правом наставления славян обладает Дочь Славы, которая призывает их к единству. В основе ее призыва – нравственные категории: «Пусть сгинут гордость и дурные нравы, / Пусть недоверье не кипит в крови, / Сплотитесь, будьте счастливы! Дочь Славы» [5, с.163]. Имя новой для всех славян страны – Всеславия.

Обратим особое внимание на четвертую и пятую части (песни) поэмы Яна Коллара, в которых противопоставлены две сферы – сакральная и инфернальная: рай и ад (царство владыки подземного мира и царства

мертвых в славянской мифологии Мерота). Причем, основа оппозиции – отношение к общеславянской культуре. Рай – пространство матери Славы, а ад – место, где претерпевают муки отступники от национального. Над серебрястыми вратами рая он видит кириллические письма [5, с.179]. Здесь Слава лелеет своих детей. Среди них – героические предки (распространитель христианства чешский князь Вацлав, летописец Нестор, последний независимый царь Сербии Лазарь) и современники поэта, прославившие себя деяниями в защиту славянства (П.Й. Шафарик). Здесь звучат произведения народа. В преисподней, непотребном краю, где зияет пустота и клубится мгла – те, кого при жизни вырвали из рук у Славы-матери, кто «омадьярен», «онемечен», «предатели страны и языка» [5, с.215]. Среди них – «крестоносцев злобные полки, славянский род топтавшие всегда» [5, с.225], Дантес, убивший «чудотворца языка» Пушкина, «поганый» Ян Вацлав Погл, не прививший Иосифу II любви к чешскому языку и осужденный за это вечно читать газету на немецком языке. Завершает описание двух противоположных мифологических сфер пожелание-обращение ко всем на белом свете блага в тишине славянам и кромешного ада предателям страны.

Однако необходимо отметить, что сторонники панславянизма (идеи объединения всех славянских народов) не были едины. Это становится очевидным, если обратиться к оценке поэмы Яна Коллара Адамом Мицкевичем. В одной из своих парижских лекций он привел сонет из «Дочери славы», в котором чешский романтик мысленно нарисовал памятник, который мог бы стать знаком грозной мощи славян:

Когда б мой дух в металлы превратил
Славянские родные племена,
Когда б на то мне мощь была дана,
Одну бы статую из них отлил.

Главой была бы русская страна,
Поляки – туловищем, полным сил.
Из сербов ноги бы соорудил,
Из чехов – руки бы и рамена...

Адам Мицкевич замечает, что подобное понимание единства не было органичным для всего славянства. И поясняет: «...национальная идея славянских народов, выходящая за пределы их поэзии, более смелая, более разумная, более глубокая. Чехи никогда не разделяли упований Коллара на материальную силу; в массе своей чехи не искали опоры в России; они не проявляли стремлений связать свою национальную судьбу с интересами русских; они предпочитали выжидать, и никогда не объявляли они Россию единственной надеждой славянских народов» [6, с. 397]. Дело в том, что было, по меньшей мере, два направления среди сторонников идеи панславизма: одни предполагали, что объединение славянских народов произойдет под эгидой России, а другие были сторонниками объединения славян без России во главе с Польшей. Обращая на это внимание, Адам Мицкевич говорил: «...Польша и Россия представляют собой не только две территории, но две идеи, обращающиеся среди славянских народов, идеи, которые в своей реализации тяготеют к абсолютному господству и взаимоисключению... Нет племени, нет славянской земли, где нельзя было бы распознать представителей этих двух враждебных партий». Однако следует признать, что по существу они думали об одном и том же. Оба, и Коллар, и Мицкевич, в первую очередь, имели в виду необходимость духовного единства славянского мира, требование которого явилось одним из пунктов основанного в 1835 году при ближайшем участии Мицкевича политически-религиозного союза «Объединенные братья». По крайней мере, Ф.И. Тютчев, именно так, в духе признания Мицкевичем идеи необходимости духовного подъема «разрозненного племени» славян и соединения их в «один Народ», воспринял его позицию относительно дальнейшей судьбы славянства. Обращаясь к польскому романтику, который для него стал не только поэтом, но и пророком, Тютчев писал в

стихах «От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича» (1842): «Воспрянь – не Польша, не Россия - / Воспрянь, Славянская семья! - / И, отряхнувши сон, впервые - / Промолви слово: «Это я!» [8].

В предлагаемых заметках мы очертили лишь основные направления в процессе осмысления категории «славянство» самими славянскими народами в первой половине XIX века. Ясно, что это - лишь начало разработки вопроса, связанного с особенностями истории духовной жизни славян.

Литература

1. Гавличек-Боровский К. Избранное / Карел Гавличек-Боровский; пер. с чеш.; предисловие С. Никольского. – М.: ГИХЛ, 1957. – 305 с.
2. Дурова Н.А. Добавление к «Кавалерист-девице» / Надежда Дурова // Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы / сост. В.П.Коркия. – М.: Правда, 1987. – С.573 – 623.
3. Карпенко Г.Ю. Славянский мир в зеркале историософских представлений XVIII-XIX веков (русский вариант) / Г.Ю. Карпенко // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2009. - № 2 (6). – С.162 – 171.
4. Коллар Я. О литературной взаимности // Антология чешской и словацкой философии. - М., 1982. - С.233-241.
5. Коллар Ян. Сто сонетов / Ян Коллар. – М.: Художественная литература, 1971. – 246 с.
6. Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. / под ред. М.Ф.Рыльского, М.С.Живова и др. – М.: ГИХЛ, 1954. – Т.4: Из лекций о славянских литературах (1840-1843). – 420 с.
7. Тютчев Ф.И. «О вещая душа моя!..»: Стихотворения. Переводы. Размышления о поэте / Ф.И. Тютчев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 496 с.

8. Тютчев Ф.И. От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича [электронный вариант] / Федор Тютчев // Режим доступа: <http://www.fedor-tutchev.ru/poezia285.html>